

Введение

Экономический рост и вызовы предстоящего десятилетия

Обсуждение социально-экономических проблем современной России очень часто ведется изолированно от опыта других стран, и прежде всего посткоммунистических. Создается впечатление, что для исследователей российских реалий не существует опыта почти трех десятков других стран, которые, выйдя из социализма, решают проблемы, схожие с нашими¹.

Это замечание в полной мере относится к столь популярному в настоящее время обсуждению проблем экономического роста, который начался в России в 1999 г. В отечественной литературе доминируют две концепции объяснения природы этого роста. Первая связывает его с реальным обесцениванием рубля после кризиса 1998 г. и благоприятной конъюнктурой рынка нефти. Второй причиной этого роста называют реформы, которые проводит российское правительство в условиях политической стабилизации, наступившей после выборов 2000 г. Эти реформы безусловно важны и для обеспечения долгосрочного устойчивого роста. Действительно, для России конъюнктура рынка нефти и реальный курс – это важнейшие факторы макроэкономической политики, влияющие на рост. Но сама природа нынешнего роста все-таки иная.

Если анализировать российский рост в контексте опыта других стран, нетрудно заметить, что ВВП в настоящее время растет на всем постсоветском пространстве. Причем на первом этапе, примерно в 1992–1994 гг., роста не было ни в одной из них. В 1995 г. проявляются первые признаки экономического роста в странах Балтии (Литва, Латвия, Эстония), а также в государствах, которые были вовлечены в военные конфликты или же были объектом блокады (например, в Армении, Грузии, Азербайджане).

В 1996–1998 гг. стали наблюдаться первые признаки экономического роста и в других постсоветских государствах, но они носили крайне неустойчивый характер и часто сменялись спадом. Однако после 1998 года рост наблюдается практически повсеместно, за исключением Украины в 1999 и Киргизии в 2002 г. (см. табл. 1).

Следовательно, наличие роста напрямую не связано ни с политическим режимом (он существенно отличается в перечисленных странах), ни с проведением реформ, напоминающих российские реформы 2000–2001 гг., ни с ценами на нефть (среди упомянутых стран есть как нетто-экспортеры, так и нетто-импортеры нефти и нефтепродуктов).

Кроме того, если проследить динамику реального курса национальных валют, за период с 1995–1999 гг., видно, что в одних государствах (Казахстан, Киргизия, Молдавия и некоторые другие) реальный курс существенно упал, а в других (Азербайджан, Армения, Грузия, страны Балтии) – существенно укрепился (см. табл. 2).

Таблица 1

**Темпы прироста физического объема ВВП
в постсоветских государствах в 1996–2001 гг.**

	1996	1997	1998	1999	2000	2001
--	------	------	------	------	------	------

¹ На это обратил внимание Л. Арон, заметив, что дискуссии о России ведутся, как правило, «вне контекста», объясняя такую ситуацию огромными размерами страны. (L. Aron. Structure and Context in the Study of Post-Soviet Russia: Several Empirical Generalizations in Search of a Theory //Russian outlook, January 1, 2001).

Азербайджан	1,3%	5,8%	10,0%	7,4%	11,1%	9,9%
Армения	5,9%	3,3%	7,3%	3,3%	5,9%	9,6%
Беларусь	2,8%	11,4%	8,4%	3,4%	5,8%	4,1%
Грузия	11,4%	10,6%	2,9%	3,0%	2,0%	4,5%
Казахстан	0,5%	1,7%	-1,9%	2,7%	9,8%	13,2%
Кыргызстан	7,1%	9,9%	2,1%	3,7%	5,4%	5,3%
Молдова	-5,9%	1,6%	-6,5%	-3,4%	2,1%	6,1%
Россия	-3,4%	0,9%	-4,9%	5,4%	9,0%	5,0%
Таджикистан	-16,7%	1,7%	5,3%	3,7%	8,3%	10,2%
Узбекистан	1,7%	5,2%	4,4%	4,4%	3,8%	4,5%
Украина	-10,0%	-3,0%	-1,9%	-0,2%	5,9%	9,1%
Латвия	3,3%	8,6%	3,9%	1,1%	6,6%	6,5%
Литва	4,7%	7,3%	5,1%	-3,9%	3,9%	4,0%
Эстония	4,0%	10,4%	5,0%	-0,7%	6,9%	4,5%

Источник: Содружество независимых государств в 2001 г. Статистический ежегодник. Межгосударственный статистический комитет СНГ. Москва, 2002; Transition Report 2001. EBRD, 2001.

Таблица 2

Реальный курс национальной валюты к доллару США в постсоветских государствах (по ИПЦ), 1995=100

	1996	1997	1998	1999	2000	2001
Азербайджан	126%	135%	131%	104%	99%	93%
Армения	107%	104%	106%	104%	95%	93%
Беларусь	110%	89%	44%	56%	39%	46%
Грузия	130%	134%	99%	107%	105%	103%
Казахстан	118%	131%	125%	80%	84%	85%
Кыргызстан	86%	100%	64%	55%	60%	63%
Молдова	113%	120%	70%	72%	86%	87%
Россия	120%	125%	45%	63%	71%	78%
Украина	166%	187%	113%	89%	113%	134%
Латвия	110%	111%	118%	116%	110%	104%
Литва	121%	129%	133%	131%	128%	126%
Эстония	110%	103%	118%	102%	95%	93%

Источник: Расчеты на основе данных из International Financial Statistics 2002. IMF, 2002.

Таким образом, у каждого из постсоветских государств есть свои особенности, однако все они проявляются исключительно на фоне экономического роста. Это заставляет предположить, что источники данного роста, как и предшествующего падения экономической активности, надо искать в иных процессах.

Прежде всего попытаемся проанализировать, с чем было связано падение производства в 1992–1994 гг, которое потом сменилось экономическим ростом.

Феномен постсоциалистической рецессии достаточно хорошо изучен, и основные факторы, которые определяют ее развертывание, достаточно понятны. Стоит обратить внимание на природу социалистического валового внутреннего продукта. Дело в том, что традиционная, используемая в рыночной экономике концепция ВВП не применима для содержательного анализа социалистических экономик. Корректное использование понятия ВВП накладывает известные ограничения, к которым, в первую очередь, отно-

сятся: наличие рыночной экономики, с относительно невысокой долей государства (бюджета) и присутствием демократического контроля над формированием государственных расходов. Отсюда вытекает фундаментальный принцип, используемый при расчете ВВП: если люди (либо индивидуально, как потребители, либо коллективно, как налогоплательщики) платят за некие товары и услуги, то это означает, что они (товары и услуги) представляют для них ценность. Последнее и является необходимым условием включения данных продуктов в расчет благосостояния².

Очевидно, что описанная выше ситуация не соответствует реалиям социалистической экономики, где производство и распределение продукции жестко регулируются, рынок отсутствует, равно как и демократический контроль над государственными расходами. В такой ситуации значительный объем хозяйственной деятельности не является вкладом в рост благосостояния, что во многих случаях превращает рост ВВП в статистическую иллюзию. Например, в свое время осушали залив Кара-Богаз-Гол для того, чтобы остановить падение уровня Каспия. Потом строили канал Волга–Чаграй, чтобы отвести воду из Волги и приостановить повышение уровня Каспия. И в первом, и во втором случае создавался ВВП – если рассматривать это понятие под углом зрения социалистических экономик.

Итак, применительно к социализму понятие ВВП носит крайне условный характер, потому что далеко не всегда существуют базовые предпосылки, которые позволили бы считать ту или иную экономическую деятельность осмысленной, ориентированной на реальные потребности. Иными словами, потребности и мотивы хозяйственной деятельности в социалистической и рыночной экономиках качественно несопоставимы – то, что осмысленно в первой, может оказаться совершенно бессмысленной во второй, что резко ограничивает возможность сопоставления ВВП, выраженного в стоимостных единицах (деньгах). Когда же социалистическая система рушится, эти качественные различия выходят на поверхность: выясняется, что значительную часть экономической деятельности составляет та, за которую никто и никогда в условиях рынка и демократии платить не будет ни как потребитель, ни как налогоплательщик.

Именно поэтому процесс постсоциалистической трансформации, прежде всего, состоит в постепенном перераспределении ресурсов из тех видов деятельности и предприятий, которые не могут функционировать в условиях рынка, в те виды деятельности, которые оказываются в условиях рынка востребованными. На первой стадии объема высвобождения ресурсов всегда превышает объем их использования в новых производствах, что и предопределяет спад. Затем экономика проходит через «точку перегиба» – когда объем вовлекаемых в производство ресурсов становится больше, чем объем высвобождаемых из ранее занятых в неэффективных отраслях. В этом и состоит природа постсоциалистического перехода и роста.

Далее возникает проблема модернизации, связанная с крахом старой системы хозяйствования и временем, необходимым для того, чтобы заработали рыночные инсти-

---

² О том, насколько важны допущения такого рода, свидетельствуют парадоксальные высказывания, которые можно встретить в дискуссиях о «правильном» измерении ВВП. Известен пример, приводимый А. Пигу, о том, что женитьба на собственной домработнице должна снижать ВВП, поскольку супруг перестает покупать соответствующие услуги. Известна и постановка вопроса С. Кузнецом о том, имеет ли смысл при расчете ВВП в Древнем Египте принимать во внимание специфику ритуальных процедур этой страны, то есть учитывать ли при расчете среднедушевого показателя число всех живущих или число живущих и первое поколение умерших.

туты. Это второй важный фактор, определяющий ход постсоциалистической рецессии. После того, как рыночные институты возникли и стали функционировать, начинается постсоциалистическое восстановление.

Основными факторами, которые определяют продолжительность и глубину постсоциалистической рецессии, являются:

- а) масштабы сектора экономики, продукция и услуги которого невостребованы рынком;
- б) масштабы использования рыночных инструментов в условиях социализма;
- в) наличие в социальной памяти населения информации о досоциалистических рыночных институтах.

Исходя из этого, можно понять, например, почему в Восточной Европе и странах Балтии, в которых жили при социализме два поколения, рецессия длилась меньше, чем на большей части постсоветского пространства, где жизнь при социализме выпала на долю трех поколений.

Иными словами, формирование рыночной системы хозяйственных связей, перераспределение критической массы ресурсов в рыночные сектора, адаптация менеджмента к работе в условиях рынка – таковы важнейшие факторы перехода к стадии постсоциалистического роста. Этот процесс протекал в первой половине 1990-х гг. в Восточной Европе, а в конце 1990-х гг. – в государствах СНГ. И уже на этот процесс накладываются специфика национальной макроэкономической ситуации, динамика цен на основную продукцию экспорта и импорта, курсовая политика. Эти параметры существенно влияют на национальные траектории роста, но лишь с учетом и в рамках общего процесса постсоциалистического восстановительного роста.

Такой восстановительный рост не является для нашей страны новым феноменом. С аналогичными проблемами сталкивался СССР после революции и гражданской войны 1917–1921 гг., что нашло отражение и в экономических дискуссиях того времени. В частности, именно тогда известными российскими экономистами В. Базаровым и В. Громаном был введен в экономический оборот термин «восстановительный рост»³. При этом обнаружилось, что при всех колоссальных потерях в ходе революции и гражданской войны материальных ресурсов, важнейшим фактором падения производства в это время было нарушение хозяйственных связей⁴.

Очевидно, что современный восстановительный рост в России существенно отличается от восстановительного роста после гражданской войны и революции.

Во-первых, уровень падения производства в 1991–1998 гг. был существенно ниже, чем во время революции и гражданской войны. Именно поэтому и темпы восстановления в настоящее время тоже более низкие.

---

³ См. Базаров В. О «восстановительных процессах» вообще и об «эмиссионных возможностях» в частности // Экономическое обозрение. 1925, № 1; Он же. Перспективы нашего народного хозяйства на 1925/26 год // Экономическое обозрение. 1925, № 8; Громан В. О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем народном хозяйстве // Плановое хозяйство. 1925, № 1, 2.

⁴ «Как ни велики были прямые уничтожения: смерти людей, разрушение зданий, машин, готовых предметов потребления – в пожарах, в боях империалистической и гражданской войн, но они неизмеримо слабее, чем функциональное расстройство, т.е. временное прекращение хозяйственных творческих процессов» - см.: В. Громан. О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем народном хозяйстве // Плановое хозяйство, 1925, № 1. С. 101.

Во-вторых, российская экономика периода НЭПа была, при всем ее своеобразии, в целом рыночной – как и российская экономика 1913 г. Формирующиеся тогда хозяйственные структуры, при всех их отличиях (существенно меньшая доля внешней торговли в ВВП, меньшая товарность сельского хозяйства, большая роль государственного сектора и т.д.), напоминали структуру российской экономики 1913 г. в гораздо большей степени, чем структура рыночной в своей основе экономики современной России напоминает структуру социалистической экономики РСФСР 1990 г.

Тем не менее ряд процессов, которые были характерны для восстановительного роста периода НЭПа, проявляются и в сегодняшней России. Первая характерная черта восстановительного роста – его неожиданность. В. Громан в свое время обращал внимание на то, что никто в Госплане не ожидал тех темпов восстановления промышленности, которые были обеспечены после стабилизации хозяйственных связей и финансовой стабилизации в 1923/24 хозяйственном году. Госплан исходил из того, что без масштабных капиталовложений можно довести объем промышленного производства к 1927/28 г. лишь до 50% довоенного уровня⁵. В реальности же к 1927/28 г. промышленное производство почти достигло уровня 1913 г.⁶

Похожая ситуация наблюдается и в наше время. Российское правительство прогнозировало на 2000 г. от 2,2% падения до 0,2% роста ВВП, МВФ прогнозировал рост в 1,5%, реальный же рост ВВП при этом составил 9%. (Заметим, что рост ВВП на Украине в 2001 г. составлял 9%, при прогнозе МВФ на уровне 3,5%⁷).

Причины ошибок в прогнозах понятны и тесно связаны с самим характером восстановительного роста. Поскольку используемые методы прогнозирования ВВП опираются на экстраполяцию тенденций предшествующего периода, прогнозную динамику факторов производства и экономической конъюнктуры, нетрудно понять, что все они мало пригодны для прогнозирования всплеска экономической активности, обусловленного стабилизацией хозяйственных связей.

Однако дальше приходится иметь дело со второй неожиданностью, но уже неприятной. Выясняется, что восстановительный рост по своей природе носит затухающий характер и его темпы не удерживаются на достигнутом уровне и начинают заметно снижаться. Механика этого процесса объяснима: восстановительный рост обеспечивается использованием уже созданных мощностей и подготовленной квалифицированной рабочей силой. Он происходит при относительно незначительных капитальных вложениях, однако его ресурсы достаточно быстро исчерпываются и появляется проблема их дефицита.

Так, в период 1998–2002 гг. численность занятых в российской экономике выросла на 8,9 млн человек (с 58,4 до 67,3 млн чел.). Дефицит квалифицированной рабочей силы нашел выражение в быстром росте реальной заработной платы. В течение 2000–2002 гг. реальная заработная плата выросла в 1,7 раза. Аналогичная тенденция наблюдается и в других государствах СНГ (см. табл. 3).

---

⁵ В. Громан. Конъюнктурный обзор народного хозяйства СССР за первое полугодие 1924–25 года // Плановое хозяйство. 1925, № 6.

⁶ См. The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945, ed. by R.W. Davies, Mark Harrison, S.G. Wheatcroft. Cambridge University Press, 1994.

⁷ World Economic Outlook. October 2000. Focus on Transition Economies. International Monetary Fund.

Таблица 3

Темпы прироста реальной заработной платы в странах СНГ в 1996–2001 гг.

	1996	1997	1998	1999	2000	2001
Азербайджан	19,0%	53,0%	20,0%	20,0%	18,0%	16,0%
Армения	13,0%	26,0%	22,0%	11,0%	13,0%	5,0%
Беларусь	5,0%	14,0%	18,0%	7,0%	12,0%	30,0%
Грузия	53,0%	37,0%	25,0%	2,0%	3,0%	22,0%
Казахстан	2,0%	5,0%	4,0%	7,0%	12,0%	13,0%
Кыргызстан	1,0%	12,0%	12,0%	-8,0%	-2,0%	11,0%
Молдова	5,0%	5,0%	5,0%	-13,0%	2,0%	15,0%
Россия	6,0%	5,0%	-13,0%	-22,0%	21,0%	20,0%
Таджикистан	-14,0%	-2,0%	29,0%	0,3%	8,0%	11,0%
Украина	-5,0%	-2,0%	-3,0%	-6,0%	1,0%	21,0%

Источник: Содружество независимых государств в 2001 г. Статистический ежегодник. Межгосударственный статистический комитет СНГ. Москва, 2002.

На опережающий по сравнению с производительностью труда рост реальной заработной платы указывал как на характерный элемент восстановительных процессов и В. Громан в своих работах, относящихся к 1920-м гг.⁸

Конъюнктурные опросы, проводимые ИЭПП, показывают резкое изменение баланса оценок достаточности производственных мощностей для удовлетворения ожидаемого спроса в период 1998–2001 гг. Изменение претерпевают также оценки потребности в рабочей силе в связи с ожидаемым спросом: нехватка оборудования и квалифицированных кадров все чаще расцениваются как серьезная преграда на пути роста производства⁹.

Падение темпов роста после достижения пиковых значений и вовлечения в хозяйственный оборот наиболее доступных ресурсов почти с неизбежностью порождает экономико-политические дебаты о причинах затухающих темпов роста и путях их повышения. Если первоначально экстремально высокие темпы роста начала восстановительного периода воспринимаются и властью, и экспертным сообществом в качестве приятной неожиданности, то затем и политическая элита, и общество привыкают ориентироваться на эти аномально высокие темпы роста как на ориентир для выработки политики, как на точку отсчета в оценке проводимой политики.

Такая ситуация хорошо знакома исследователям 1920-х гг., то есть периода НЭПа¹⁰. Попытка форсировать индустриализацию в 1925/26 г., которая привела к росту инфляции осенью 1925 г. и обернулась крахом конвертируемости червонца, была связана со стремлением поддержать темпы роста. Но в 1925/26 гг., когда продолжался восстановительный процесс, темпы роста были еще достаточно высокими. Поэтому даже при возникновении соответствующих проблем – напряжения бюджета и появления явных признаков инфляции – разрешение конфликта нашло выражение в замедлении темпов инвестиций и денежной экспансии, стабилизирующих экономику. Но когда аналогичная экономико-политическая дилемма возникла в следующий раз (в 1927 г.), темпы роста уже в несколько раз снизились по сравнению с пиком восстановительного периода, и попытка увели-

⁸ См. В.Громан. О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем народном хозяйстве // Плановое хозяйство. М., 1925, № 2. С. 132.

⁹ «Экономико-политическая ситуация в России». Ежемесячные обзоры. М., ИЭПП.

¹⁰ См. Мау В. Реформы и догмы: 1924–1929 гг. М., 1993. С. 152–178.

чить темпы роста на таком фоне привела не к новой стабилизации, а к развалу всего механизма НЭПа.

В сегодняшней России обсуждение вопроса о том, что необходимо сделать, чтобы подстегнуть «затухающие темпы роста», пока не привело к столь трагическим последствиям, однако потенциально способно оказать серьезное и опасное воздействие на всю экономическую политику.

Относительная исчерпанность источников «восстановительного роста» ставит новую проблему обеспечения экономического роста, выходящего за пределы собственно восстановления, то есть экономического роста, который ориентируется уже не на вовлечение старых, а на создание новых производственных мощностей, на обновление основных фондов, привлечение новой квалифицированной рабочей силы.

Решение этой проблемы связано с углублением экономических реформ. По нашему мнению, то, что делает правительство в этой области, в целом оправданно. Однако это длительный процесс, дающий результаты с большим временным лагом. Так, вполне естественно считать, что экономический рост 1990-х гг. в Соединенных Штатах был тесно связан с экономическими реформами 1980-х гг. при Р. Рейгане, но лаг при этом составил десять лет.

Логика рассуждения людей, которые хотели бы «подстегнуть» рост, примерно такова: «Президент доверил правительству, вложил в его программу огромный политический капитал. Правительство приступило к реализации программы, начало некие реформы, а в результате темпы роста упали в два раза». Из этого вытекает вывод о необходимости смены курса. Именно подобного рода угроза является очень серьезной проблемой для современной России.

В связи со сказанным определенный риск заключается в возможной паузе в росте в течение 2003–2005 гг. Опасна не пауза сама по себе: значение того, каким образом повлияют темпы восстановительного роста в 2003–2005 гг. на долгосрочные перспективы России, достаточно ограничено. Опасна пауза в замедлении, а то и в приостановке структурных преобразований, которые гораздо важнее краткосрочных колебаний показателей роста в той ситуации, в которой находится Россия сегодня, когда ресурсы восстановительного роста практически исчерпаны. Единственным разумным решением является ускорение структурных реформ и поддержание консервативной денежной и финансовой политики для формирования предпосылок устойчивого экономического роста на базе эффективного набора рыночных институтов.

При этом стоит помнить о том, что структурные реформы требуют высокой степени комплементарности. Для того чтобы создать благоприятный инвестиционный климат, недостаточно провести налоговую реформу, проводить разумную курсовую политику и снизить государственные расходы. Также необходимы эффективно функционирующая судебная система, реально защищенные права собственности, менее коррумпированная бюрократия. Все это предполагает длительную подготовительную работу, однако нулевые темпы роста могут появиться уже в ближайшие годы.